

Трижды тренькнул дюралевый звонок на стене и тотчас же стал натужно нить транспортёр в галерее над крышей сторожки. Борис дочитал фразу: «Сам бери, что можешь, а в руки не давайся: самому себе принадлежать – в этом вся штука жизни». Эта мысль его зацепила, и он завернул уголок листа растёрзанной книжки, сунул её под тряпье на лежаке.

Нахлобучив бесформенную ватную ушанку, затянув ремень на широких брезентовых штанах, Борис вышел из сторожки.

С транспортёрной ленты в железную лейку бункера с грохотом падали камень шахтной породы. Борис поправил «пятки» под задними колёсами вагонетки-«козы» и рычагом открыл заслонку бункера.

Когда порода доверху наполнила вагонетку, он закрыл заслонку и дал лебёднице сигнал на подъём. Удав стального каната, подрагивая, стал медленно подниматься над чёрной жижей между рельсами, туго натянулся и «коза», слегка покачиваясь, поползла вверх по склону террикона. Некоторое время Борис шёл рядом, придерживаясь за борт вагонетки, потом вскочил на массивную подкову сцепки.

Из норы в каменном фундаменте сторожки тяжело выбралась большая собака в клочкастой серой шерсти с подпалинами. Тощие кожаные кулечки её сосков болтались у земли. Собака уселась между рельсами и, задрав морду, стала злобно выть.

Внизу медленно разворачивалась панорама шахты, уже знакомая Борису до мельчайших подробностей. Над беспорядочными каменными постройками, над пересекающимися галереями и эстакадами возвышаются две ржавые этажерки копров. Одна выше другой. Штурвалы на верхушках то вращаются с ускорением в разные стороны, то замирают один за другим. Извилистые жилы железнодорожных путей тянутся под галереи погрузки и к развалам лесного склада. Озабоченно снуют гусеницы шахтных электровозов, суетятся люди в шахтёрских робах, то там то здесь вспыхивает бенгальскими огнями

электросварка. Всё вокруг покрыто серой пылью и только на кирпичном фасаде шахтной конторы сочным мазком алеет длинный транспарант, да посредине площади тускло серебрится оловянным солдатиком памятника.

За территорией шахтного двора раскинулись постройки посёлка. Тоже серого и сирого, особенно в эту пору – между зимой и весной.

Ревут грузовики на крутых подъёмах грунтовых дорог, вязнут в липкой глине на спусках. Длинные улицы каменных бараков и белёных хаток, пересекая пологие холмы, сбегаются к центру шахтёрского рудника. Там в двухэтажном доме с белыми колоннами, с красно-синим флагом на крыше сидит поселковая власть. Через площадь – шумный базар. В скверике – школа, за нею – клуб с неумолкающим репродуктором в круглом окошке чердака.

За посёлком до сизого горизонта простирается бурая холмистая степь. Лиловые, подёрнутые плесенью муравейники терриконов, по одному и парами, широко разбросались по холмам. Слежалый снег синее в глубоких шрамах глинистых оврагов. В низине меж серых метёлок верб и фиолетовой кудели кустарников серебристой змейкой вьётся быстрая речушка. С берега на берег брошен деревянный мост. Рядом с ним приземистый домик под островерхой черепичной крышей. Это дом бабушки Бориса, он называл её «бабцей». Минувшей осенью она умерла и теперь Борис живёт в домике один.

За мостом – на высоком берегу речки – железнодорожный полустанок. День и ночь мимо него со скрежетом и воем проносятся длинные составы вагонов с углем. А три раза в сутки, задерживаясь на несколько минут, мимо станции важно следуют пассажирские поезда. Может быть, в каком-то из них и теперь работает проводницей мать Бориса. Он не видел её со школьных лет. И даже на похороны своей матери она не приезжала. Бабця называла дочь «шлэндрой» и говорила Борису, что его «сделали в тамбуре».

Когда вагонетка приближается к раме шкива на самой макушке террикона, Борис спрыгивает со сцепки. Выпуклые бока «козы», подобно крыльям взлетающего жука, приподнимаются и из-под них наружу вырывается эскадрилья серых глыб породы. Самые тяжёлые сразу же валятся набок, некоторые несутся вниз, перепрыгивают через мелкий овражек у подножия террикона и врезаются в полуразрушенные стены хибарок брошенного хутора.

Порожня вагонетка откатывается вниз по раме, и Борис скрещивает поднятые над головой руки – сигнал «стоп» лебёдице Люсе.

Большая сильная лебёдка, таскающая вагонетку на террикон, укрывается неподалеку от сторожки терриконщика в низком бетонном сооружении, похожем на военный блиндаж. Через смотровое окно Люся

пристально наблюдает за знаками и действиями Бориса. И если он дал сигнал остановить «козу» на терриконе, Люся выключает лебёдку и снова прикладывает к своему домашнему «тормозку».

Тем временем Борис присаживается на большой плоский камень и закуривает свою любимую сигаретку «Памир». Тёплый камень, кажется, слегка шевелится под ним, как живое существо. И вся громадная пирамида террикона время от времени подрагивает, рокочет и через расщелины извергает из своих недр удушливый запах вековой гнили.

До того, как стать терриконщиком, Борис успел поработать сторожем на овощной базе, грузчиком на лесном складе, кочегаром в котельной больницы. Он не переносил коллективного труда, кипучей суеты, армейского подчинения.

Полгода назад, после смерти бабцы, работать терриконщиком Бориса устроил Ильенко. Как-то бабця обмолвилась, что в молодые годы у Ильенко была короткая любовь с матерью Бориса.

Работа терриконщика пришлась Борису по душе. Здесь он сам отвечал за своё дело, и начальник у него был один – горный мастер породного комплекса Ильенко. Он никогда не рассказывал Борису о давнем романе с его матерью и не расспрашивал о ней.

Мать оставила Бориса на бабцю, когда он уже стал уверенно ходить по земле и называть себя Бодей. Лет до пяти он не говорил и в общении с бабцей легко обходился мимикой и жестами.

По утрам, в любую пору года и погоду, навьючившись узлами и корзинами, подхватив за руку Бориса, бабця тащилась на базар. Там она продавала всё, что удавалось вырастить в саду и огороде. На базаре Борис смиренно сидел под прилавком, с любопытством наблюдая за торговой жизнью.

Пару раз в году на день-другой приезжала мать, привозила какие-то подарки – большей частью одежду для Бориса, громко ругалась матом с бабцей, в основном из-за денег. Иногда привозила с собой разных мужчин: молодых и весёлых, пожилых и угрюмых. Прощаясь, говорила Борису: «Вот устроюсь и заберу тебя с собой». Но, видимо, устроиться у неё не получалось и приезжала она всё реже и реже.

Борис ещё не научился определять время по часовым стрелкам, но никогда не опаздывал к прибытию на станцию пассажирских поездов. За три минуты стоянки он успевал пробежать весь состав от головы до хвоста и обратно. На секунды задерживался у каждого открытого вагона, но все проводницы были на одно лицо, в одинаковых беретах и форменных одеждах.

Когда Борис с горем пополам перешёл в шестой класс, железнодорожные милиционеры стали снимать его с пассажирских и товарных поездов на станциях Попасная, Купянск, Бахмач... Его

закрывали в распределителях, направляли в специнтернаты, но он возвращался к бабце.

Бравурная музыка, весь день без умолку гремящая из репродуктора на шахтной конторе, внезапно оборвалась и после короткой морзянки диктор торжественным голосом сообщил точное московское время. Обычно в этот час Ильенко совершал обход хозяйства породного комплекса. Пора и Борису опускаться на землю, но Катя почему-то так и не вышла во двор. Её хибарка, сооруженная покойным мужем из всякого шахтного хлама, обмазанного глиной, стояла среди развалин хутора близко к террикону, сразу за овражком.

Обитателей этого шахтёрского «гарлема» ещё прошлым летом переселили в безопасное жильё в посёлке. И только Катя с маленькой дочкой отказалась уезжать. Дворик вокруг её мазанки огорожен камнями, прилетевшими с террикона. На верёвке, натянутой меж двумя кривыми стволами вишен, сушится пёстрая детская одежда. На пригорке за огородом равнодушно блеют две тощие козы.

Наконец на подворье появляется Катя, прижимая к животу тазик с парующим бельём. Борис приподнимается с камня и машет ей шапкой. Катя улыбается в ответ и часто кивает.

Года два назад, когда в шахте рванул газ метан, погиб Катин муж. Тогда сгорела вся бригада проходчиков. Про этот случай Ильенко так рассказывал Борису: «Я тогда работал десятником по вентиляции и безопасности. А они в ту смену бурить собрались. Ну я, как положено, замерил прибором метан и даю им отбой. А тут конец месяца, им всего несколько метров проходки до плана не хватало. А план – это премия, бывает больше зарплаты. Их бугор – Катькин муж – стал меня уговаривать: у тебя прибор барахлит, такое уже было и ничего... А я на своём стою: запрещаю проводить буро-взрывные работы! Ну он мне угрожать стал, на штрек вытолкал...

Ну и рванули на авось... Заколоченные гробы в клубе поставили, над каждым фотокарточка. А что там – в гробах? После взрыва спасатели обгорелые ошмётки в мешки собрали и по гробам их разбросали. Потом ещё полгода находили там обугленные кости, вместе с породой вывозили на террикон.

Вот Катька и придумала себе, что останки её мужа в породе на терриконе, и с хутора выезжать отказывается. А Люське-лебёдчице рассказывает, что на террикон каждую ночь чёрный ангел прилетает и плачет там. Совсем с рельсов съехала баба»...

В первый день работы на терриконе Борис приметил худенькую женщину с ведёрком, выбиравшую в породе случайный уголёк. «Коза» уже разгрузилась и самые быстрые камни, подпрыгивая, неслись вниз. Борис кричал, размахивал руками, женщина увидела его и через овражек спокойно пошла к своей хибарке.

А на следующий день она сама пришла к нему в сторожку. Назвалась Катей, рассказала, что Кирдан, работавший терриконщиком до Бориса, был грубым, безобразным человеком. Иногда, выехав на террикон, он садился справлять нужду, специально поворачиваясь голым задом к Катиной усадьбе.

С того дня Борис стал собирать в мешки самые крупные глыбы угля из того, что предназначался для «буржуйки» в его сторожке.

Когда набирался полный мешок, Борис, поднявшись на террикон, подавал Кате знак – махал шапкой, и она с саночками или со старой детской коляской приходила к нему в сторожку. Каждый раз приносила угощение: то олады, то вареники с картошкой и пол-литровую банку козьего молока. Борис молча ел и слушал Катины рассказы о подрастающей дочке, о её способностях, воспоминания о счастливой жизни с покойным мужем.

– Бо-о-дя! – донеслось снизу.

Возле блиндажа лебёдки стояла Люся и постукивала пальцем по циферблату своих ручных часов. Борис махнул рукой и через минуту порожняя «коза» резво покатила вниз.

Дверь сторожки была приоткрыта. На лежаке расположился Ильенко. Рядом с ним на развёрнутой газете живописно раскинулся натюрморт «тормозка»: пара куриных яиц, толстая баранка кровяной колбасы, дольками нарезанная луковица, четвертинка чёрного хлеба и в спичечном коробке соль. Ильенко сосредоточено сковыривал желудёвым ногтем скорлупу с варёного яйца. Не поднимая головы, произнёс:

– Сколько раз тебе говорил: верхом на «козе» выезжать на террикон запрещено правилами безопасности.

Борис молча присел на сучковатую чурку у буржуйки и устремил взгляд на облупившиеся носки своих сапог.

– Ну как там – наверху? – спросил Ильенко и целиком затолкал в рот яйцо.

– Нормально, – Борис пожал плечами.

– Да-а, Бодя, наверное, придется тебе опять искать работу, – сказал Ильенко и откусил от баранки колбасы добрый ломоть, стал медленно жевать, выдерживая долгую паузу. Не дождавшись реакции Бориса, продолжил, – Вчера на селекторе директор комбината сообщил, что наш террикон закрывать будут. Теперь породу будем в балки вывозить, самосвалами. А террикону макушку бульдозером снесут, разровняют и посадят на нём фруктовый сад. И будут, как на Марсе, яблони цвести.

Ильенко завалился боком на лежак. Из-под тряпья вывалилась на пол растрепанная книжка без обложки. Ильенко поднял её:

– Ещё половина листов осталась. Твой предшественник – Кирдан

– использовал её как подтирочный материал. До сих пор ветер гоняет по террикону говняные бумажки.

Полистав книжку, Ильенко заметил завернутый уголок страницы:

– Ага, Тургенев, Первая любовь! Ну ты даёшь, Бодя! В твои годы пора уже не теорию по книжкам изучать, а практику осваивать. Вон Люська-лебёдчица – профессионалка шестого разряда в этом деле. Безотказная. Я тебе говорю! Её мужик то в шахте, то дома пьяный спит. А бабе надо, чтобы её постоянно хотели.

Борис выдернул книжку из рук Ильенко, запихнул её под лежак.

– А я, например, кроме учебников в школе и на курсах десятников, никаких книжек не читал. А зачем? Надо своим умом жить. Зато баб у меня было – в двух томах не опишешь! – закончил свой монолог Ильенко и поднялся с лежака.

Борис вышел из сторожки, сел на лавку под стеной и закурил. Из-за угла, понунив большую голову с висячими ушами, широко расставляя лапы, враскорячку вышла собака, ткнулась мордой в колени Бориса.

– Опять оценилась, что ли? – на пороге возник Ильенко, – И где она здесь кобелей находит? Надо щенков, пока они ещё слепые, в «козу» покидать, породу загрузить и – на террикон. Кирдан всегда так делал.

Собака, будто понимая, о чём речь, вернулась в свою нору.

– Здорово, мужики, – из-за вагонетки выглядывала Катя: узкое детское личико, искристые углинки глаз, виноватая улыбка, засаленная болоньевая куртка цвета террикона, резиновые шахтёрские чуни. За Катей виднелась ржавая детская коляска без капюшона.

– Щас, – Борис, метнулся за угол сторожки, появился с мешком на плече, ловко пристроил его на коляску.

– Здравствуй, Катя-Катерина, – пропел Ильенко. – Ты уже курортный терренкур вокруг террикона натоптала. А я закрываю глаза на то, как ты казённый уголёк к себе домой таскаешь. И Бодя в этом соучаствует. Наверняка, не задаром. Но по факту получается расхищение госсобственности, на статью тянет.

– А ты мне задаром предлагал угля привезти? Или напомнить, за что? Как это по факту называется? И к Люське приставал, кобель лысый, – насмешливо произнесла Катя. – А госсобственность твоя не обеднеет!

– Ясное дело, не обеднеет, – согласился Ильенко. – Но закон – есть закон. Вот тебе, например, как шахтёрской вдове, уголь для печки по закону положен. Но, опять же по закону, ты должна переселиться из опасной зоны в посёлок, получишь нормальное жильё и углём на зиму будешь обеспечена. А ты прилипла к этому террикону, как вошь к тулупу. А если террикона не станет, где будешь уголь добывать?

– Да куда же он денется? – ухмыльнулась Катя. – Шахты без террикона не бывает.

– Бывает, – возразил Ильенко. – Если хочешь знать, на Западе породу из шахт вообще на-гора не выдают, оставляют её в выработках. И дешевле, и воздух чистый.

– Так то у капиталистов. Нам за ними не угнаться, – махнула рукой Катя.

– Уже догоняем, – убеждённо заявил Ильенко. – Я вот здесь Бодя рассказывал... В комбинате уже подписали приказ о закрытии нашего террикона. Теперь Бодя останется без работы, а ты без краденого уголька.

Борис нервно суетился вокруг «козы»: то поправлял канат, то сгребал широкой лопатой мелкую породу между рельсов, то заглядывал внутрь вагонетки.

Катя присела на корточки возле своей коляски, извлекла из кармана куртки мятую сигарету, закурила.

Ильенко сидел на лавке, широко раскинув ноги, снял с головы красную шахтёрскую каску, всю в глубоких чёрных царапинах, вытащил из неё вязанную спортивную шапочку, местами сопревшую до дыр, понюхал её и вытер розовую морщинистую лысину.

– Жалко, конечно, террикон, – задумчиво произнёс Ильенко. – Я первый вступительный бутылёк под ним распивал, когда после армии пришёл на шахту работать. Да-а, немало шахтёрской кровушки пролилось на его камни.

– Из-за таких мудаков, как ты! – срезала Катя ностальгию Ильенко.

– Опять заводишь свою старую шарманку, – спокойно сказал Ильенко и нахлобучил на лысину каску. – За тот случай я по закону ответил. Меня из шахты на поверхность вывели, подземный стаж теряю... А моей вины нет, не давал я им разрешения. Мужики на авось пальнули...

– Конечно, не давал. Свидетелей-то нет, все там остались. Известно, как ты свои разрешения давал. До тех пор не давал, пока мужики не пообещают тебе по червонцу с премии. Твоей-то кровушки на терриконе нет – один ты раньше взрыва у ствола оказался!

– Ну всё! – Ильенко решительно поднялся с лавки. – Забирай свою карету и катись отсюда, не мешай людям работать. А за краденый уголёк ты ещё по закону ответишь!

– Да подавись ты своей госсобственностью! – Катя ударом ноги опрокинула коляску с углем и стремительным шагом направилась к тропинке. Борис бросился к коляске, поставил её на колеса, приладил мешок и, подхватив за ручку, поспешил за Катей.

Когда он вернулся, Ильенко озабоченно расхаживал вокруг

«козы»). Даже забравшись на подкову сцепки, он едва доставал подбородком до верхнего края вагонетки.

– Боковины подварить надо бы, – обернувшись к Борису, деловито заметил Ильенко. – Да теперь уже ни к чему. Отбегала своё, козочка.

Борис присел на лавку и подрагивающими руками прикурил сигарету.

– Да не бзди ты, Бодя! – примирительным тоном произнёс Ильенко. – Без работы не останешься. Пойдёшь электровозные батареи заряжать, или на вулканизацию... Ты парень непьющий, работающий... Только дикий какой-то, как этот террикон. В шахту тебе, конечно, нельзя. Не признаёшь ты понятий шахтёрской жизни.

Борис, соглашаясь, кивнул, стал катать под сапогом округлый камень.

– Наверное, думаешь: с чего бы это Ильенко так заботится обо мне? – продолжил Ильенко. – Правильно думаешь, и я тебе прямо отвечу. В молодые годы была у меня постельная любовь с твоей мамашей. Тогда она уже работала кондукторшей в поездах, а я уже женатый был. Приехала в отпуск, познакомились в одной весёлой компании – обычное дело. Неделю у её подружки встречались. Отпуск пролетел, она уехала, а я стал дальше с женой жить.

Прошло лет пять, нечаянно встретились на базаре, зашли в чебуречную, выпили: как делишки, как детишки, то да сё... И она мне выдаёт на-гора, что, может быть, ты от меня рождённый. Ни хрена себе, думаю, вкладыши! Как в индийском кино. Что ж ты, говорю, столько лет молчала? А она хохочет: испугался? Да я тебя на понт взяла! Хорошенькие понты, пришлось ещё поллитруху брать.

Больше я её не видел. Но после той встречи стал точить меня червь сомнений. С одной стороны: по срокам как бы всё совпадает, а с другой: она ж проводница, у неё до меня и после командированных кобелей было больше, чем она километров намотала.

Да ты на себя посмотри и на меня. Я малый и толстый, а ты длинный и тощий. У меня лысина считай с двадцати лет, а ты кудрявый брюнет. У меня нос картошкой, а ты горбоносый и смуглолицый. Я так думаю, что зачала тебя мамаша от какого-нибудь кавказского спекулянта мандаринами.

А бабка твоя уже перед смертью попросила меня: помоги Бодю, не устоит он в этой жизни. А тут как раз Кирдан на пенсию пошёл, вот я и пристроил тебя на террикон. И сейчас не брошу. Ты мне, конечно, не сын, но как бы дальний родственник.

А Катьку я припугнул для порядка. Чем она платила тебе за уголь, – догадываюсь. В этом ты на меня точно похож!

От внутреннего смеха у Ильенко тряслось брюхо и гузно подбородка.

Вдруг сухо тренькнул звонок в сторожке, в галерее завыл транспортёр и камнепад рухнул в железную пасть бункера.

– Качают! – восторженно воскликнул Ильенко и соскочил со сцепки.

Борис кивнул, близко подошёл к Ильенко, подхватил его за ноги под коленями и опрокинул в вагонетку. Потянулся рукой к рычагу, открыл заслонку бункера. Сквозь грохот падающих камней не больше минуты прорывался наружу звериный рёв. Когда вагонетка наполнилась доверху, Борис закрыл заслонку и дал сигнал на подъём лебёдки Люсе. Дрогнул и натянулся канат и «коза», покачиваясь, поползла вверх.

Собака проворно выбралась из своей норы и, хрипло лая, стала карабкаться вверх по камням.

Дарья Бонет. Ты прекрасен.
Холст, масло, 95X75.